

УДК 930(474.5)

М.Е. Мезем

**ОБРАЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТВЫ
В ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Рассматривается образ средневековой Литвы в историографии первой половины XIX в. Выделяются ключевые концепты, на основе которых формируется восприятие Литвы в историческом дискурсе первой половины XIX в.

50

This article considers the image of medieval Lithuania in the historiography of the first half of the 19th century. The author identifies the key components of the formation of perception of Lithuania in the historical discourse of the first half of the 19th century.

Ключевые слова: история средневековой Литвы, историография первой половины XIX в.

Key words: history of the medieval Lithuania, historiography of the first half of the 19th century.

История Великого княжества Литовского — одна из наиболее актуальных тем отечественной медиевистики. Данной теме посвящено множество исследований, однако в истории княжества еще остаются лакуны.

В нашей статье анализируется менее всего изученная в отечественной науке историография Литвы первой половины XIX в. Предмет интереса — образ средневековой Литвы в трудах русских историков первой половины XIX в., т. е. то, как исследователи воспринимали Литву в своих работах. Образ состоит из ряда ключевых концептов, изучая которые можно выявить отношение автора к исследуемому объекту. Отметим, что образ конструируется в процессе переработки материала из источника ученым, функционирующим в определенном социокультурном пространстве, которое влияет на позицию автора по отношению к рассматриваемой проблеме и на его методологический подход.

Стоит учитывать, что Литва практически не попадает в сферу внимания отечественных историков первой половины XIX в., за исключением работ Н.Г. Устрялова, в связи с тем что тема не представляла интерес для русских исследователей, которые были более сосредоточены на научных изысканиях в области истории Северо-Восточной Руси. Само время способствовало тому, чтобы ученые занимались другими проблемами. К.Н. Бестужев-Рюмин вспоминал, что Н.Г. Устрялову даже «ставили в вину то, что он внес литовское княжество в русскую историю» [2, с. 453].

В первой половине XIX в. к истории Великого княжества Литовского исследователи обращаются только для характеристики отношений между русскими княжествами и Литвой. При этом в трудах практически отсутствует информация о событиях, происходивших на территории литовских земель. Вследствие такого подхода Литва и литовцы воспринимаются авторами именно сквозь призму русско-литовских взаимоотношений.

Источники данной статьи — сочинения Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, Д.Н. Бантыш-Каменского, А.А. Скальковского, Г. Кониского и Н.А. Маркевича; труды «главного историографа России» Н.Г. Устрялова не рассматриваются, так как представляют собой предмет для отдельного и самостоятельного исследования.

Примечательно, что в работах историков первой половины XIX в. особое внимание уделяется первоначальным сведениям о литовцах и процессу захвата Литвой русских земель. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» пишет, что долгое время литовский народ был подвластен князьям Руси, «дикий, бедный, платил им дань шкурами, даже лыками и вениками». В результате походов русские полки из Литвы приводили «невольников» [5, с. 205, 140].

Начиная с XIII в. уже литовцы нападают на русские земли, вследствие чего для Н.М. Карамзина они становятся «мужественными разбойниками» и «хищниками». Однако все литовские походы на соседние христианские земли, согласно выводам ученого, ограничивались только лишь грабежом, при этом балты и не думали о завоеваниях [5, с. 252, 291, 239].

Изучая русские летописи, другой известный историк — С.М. Соловьёв приходит к заключению, что после смерти Ярослава I из-за уособиц между русскими князьями прекращается движение границ государства на запад, в том числе и в сторону Литвы [9, с. 39]. По мнению автора, лесные пущи и топи способствовали сохранению «дикости» «первоначального быта». Кроме этого такая природная среда позволяла балтам безнаказанно нападать на своих соседей, так как леса и болота лучше гор защищали литовцев от ответных походов [9, с. 39; 8, с. 87].

С.М. Соловьёв характеризует первые десятилетия XII в. как начало литовских опустошительных «нашествий» на западные русские княжества [9, с. 38]. С тех пор, пишет ученый, литовцы для Западной Руси оказываются одним из главных «врагов», такими, например, как половцы для юго-восточных русских княжеств [8, с. 365]. В период борьбы родовых и государственных отношений набеги литовцев на русские земли становятся обычной практикой [9, с. 123, 147, 151]. Историк подчеркивает, что подобные походы ограничивались лишь грабежом, так как на большее языческие племена балтов не были способны. Вследствие этого Литва для С.М. Соловьёва — это «враг», который приносит вред как северо-западным, так и юго-западным русским княжествам [9, с. 148, 151; 13, с. 216].

Одесский историк А.А. Скальковский заключает, что «с Северо-Запада дикие и бедные литовцы-язычники, дурно вооруженные, силь-

ные храбростью и нуждою» совершали вторжения в русские земли, «грабили и жгли города, убивали и полонили жителей и довольные добычею, не заботясь об удержании захваченных городов, уходили в свои прибалтийские леса и болота» [7, с. 2–3].

Так, ранней истории литовских племен исследователи первой половины XIX в. уделяют мало внимания. Такой подход вполне логичен, учитывая, что у них отсутствует интерес к данной проблематике и что источниковая база не позволяет большего. Историки перенимают из русских летописей образ «слабых, бедных, диких» балтов, живущих в глухих пущах. Но постепенно, по мнению ученых, Литва начинает «тревожить» своими набегами близлежащие русские земли. Вследствие этого образ «слабых» литовцев, являвшихся объектом нападения Руси, трансформируется в образ литовцев «врагов-разбойников».

Если Н.М. Карамзин видит литовцев в XII и XIII вв. как «разбойников», которые только разоряют русские княжества, то применительно к XIV в. он начинает воспринимать их как «опасных соперников», захватывающих русские земли. По мысли ученого, Литва в это время представляет собой достаточно «грозную силу» для ближайших соседей, так как уже при Ольгерде существовала возможность того, что литовские князья захватят Москву. Тем самым «удержать стремление Литвы на ее владения» — одна из трех важнейших задач для московских правителей наряду с борьбой против монголов и присоединением независимых уделов [5, с. 353, 388].

Историк и политический деятель первой половины XIX в. Д.Н. Бантыш-Каменский в книге «История Малой России» писал, что народ литовский «взял внезапно перевес» над «россиянами». Он называет Литву «завоевателем», который овладел «значительной частью владений потомков Владимира». Ученый особо отмечает правление «кровожадного» литовского князя Ольгерда, стремившегося «более и более стеснять Россию» [1, с. 22–26].

С.М. Соловьёв подчеркивает, что наступательное движение литовцев на восток началось после того, как в их стране произошли важные перемены — основой государственного строя становится «единовластие» [9, с. 174]. Исследователь констатирует, что в это время Русь фактически «разделилась на две части: северо-восточную, которая собиралась около Москвы, и юго-западную, которая подчинилась чужим, литовским князьям» [10, с. 224].

Единовластие, как считает историк, являлось фундаментом для создания сильной государственности как в Литве, так и в Северо-Восточной Руси, в результате чего «два сильных тела» сталкиваются друг с другом [9, с. 244]. К тому же литовские князья не хотели довольствоваться одной Юго-Западной Русью [10, с. 224]. Таким образом, ученый воспринимает Литву XIV в. именно как соперника «настоящей» Руси, которая начинает образовываться вокруг Москвы.

Для историков первой половины XIX в. тема борьбы русских княжеств с Литвой ключевая; в источниках внимание акцентируется на за-

хвате русских земель. Исходя из этого формируется образ Литвы: на первый план выдвигаются такие ее характеристики, как «опасный соперник» и «завоеватель».

Один из современных специалистов в области истории Литвы А. Ю. Дворниченко в своей работе «Русские земли Великого княжества Литовского», замечает, что «уже в самых ранних работах по истории западнорусских земель» содержится «мысль о мирном присоединении этих земель к Литве по принципу “равного с равным”» [3, с. 7]. Здесь идет речь об «Истории русов или Малой России» архиепископа белорусского Георгия Кониского и «Истории Малороссии» этнографа Н. А. Маркевича. Вдобавок к данной идее в указанных работах два государства представляются «освободителями» от монголо-татар. Это обосновывается тем, что Литва нападала на русские земли, которые тогда находились в зависимости от монголо-татар, т.е. литовцы воевали не с русскими княжествами, а с монголо-татарами, их контролировавшими [4, с. 6; 6, с. 4, 11–12]. В перечисленных источниках мы находим образ Литвы-«освободительницы», что было нетипично для историографии первой половины XIX в. Однако сегодня в украинской исторической науке сочинение архиепископа Георгия Кониского оценивается не как историческое произведение, а как политический памфлет [11, с. 19]. В свою очередь, Н. А. Маркевич «Историю Малороссии» написал на основе тогда еще неизвестной книги Георгия Кониского, практически полностью заимствуя из нее материал.

В заключение отметим, что восприятие средневековой Литвы как «завоевателя» и «опасного соперника» достаточно прочно утвердилось в исторической науке первой половины XIX в. В означенный период история Литвы не являлась актуальным предметом историографии — к ней обращались только при анализе русско-литовских отношений. Ситуация меняется во второй половине XIX — начале XX в., когда спектр проблематики, раскрываемой исследователями, становится значительно шире, что приводит к разнообразию взглядов относительно истории Литвы.

Список источников и литературы

1. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1842.
2. Бестужев-Рюмин К. Н. Рецензия на книгу «Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410)». Соч. А. Барбашева. СПб., 1885 // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1885. №10. С. 453–454.
3. Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993.
4. История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Кониского, архиепископа белорусского. М., 1846.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2003. Т. 2–5.
6. Маркевич Н. История Малороссии. М., 1842. Т. 1.
7. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. Одесса, 1841.

8. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 1, т. 1–2.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2, т. 3.
10. Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992.
11. Шевчук В. Нерозгадані таємниці «Історії русів» // Історія Русів. Український переклад Івана Драча. Київ, 2003.

Об авторе

Максим Евгеньевич Мегем — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: megem@yandex.ru

54

About author

Maxim Megem, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: megem@yandex.ru

УДК 94(420).081

И. А. Воробьев

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКИХ В АНГЛИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Рассматриваются основные направления и исследовательские задачи в рамках изучения российской эмиграции в Англии последней трети XIX века, определяется такое важнейшее понятие, как «русская диаспора», разбираются вопросы методологии изучения социокультурной адаптации русских эмигрантов.

This article considers the basic directions and research tasks of the study of Russian emigration to England in the 1870s-1890s, defines such important concept as “Russian diaspora”, and examines the methodology of the study of social and cultural adaptation of Russian emigrants.

Ключевые слова: Англия, русская эмиграция, русская диаспора, методология, социокультурная адаптация.

Key words: England, Russian emigration, Russian diaspora, methodology, sociocultural adaptation.

Феномен российской дореволюционной эмиграции является в настоящее время объектом все более пристального внимания со стороны отечественных исследователей. Его специфика обуславливает потребность обращения ученых к ряду теоретических вопросов. В данной статье рассматриваются некоторые из них в контексте изучения социокультурной адаптации россиян в поздневикторианской Англии.